

Литературные связи повести А.П. Чехова «Степь» (древнерусские источники, Н.В. Гоголь, В.С. Соловьев)¹

Светлана Николаева*

Профессор Тверского государственного университета,
Тверь, Россия.

(дата получения: июль 2015 г.; дата принятия: октябрь 2015 г.)

Краткое содержание

Программная повесть А.П. Чехова «Степь» глубоко укоренена в русской литературе и философии. Для адекватного прочтения ее нравственно-философского смысла необходимо выявить и прокомментировать круг источников, на которые опирался А.П. Чехов, изучить тот философский контекст, в котором формировался замысел повести «Степь». В частности, расшифровка фразы «Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполнению», сказанной одним из героев повести, позволяет сделать вывод о том, что на А.П. Чехова оказали влияние как древнерусские источники, так и сочинения Н.В. Гоголя – автора «Выбранных мест из переписки с друзьями», В.С. Соловьева, философа и поэта, автора трудов: «Вера, разум и опыт», «Духовные основы жизни», «Три речи в память Достоевского». Философские категории, которыми оперировали Н.В. Гоголь и В.С. Соловьев, оказались созвучными чеховскому художественному мышлению, были использованы А.П. Чеховым как средство характеристики его персонажей. Взгляды А.П. Чехова не ограничивались позитивизмом, писатель отдал дань философскому идеализму, религиозной философии.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Н.В. Гоголь, В.С. Соловьев, древнерусская литература, позитивизм, идеализм.

1. Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Тверской области научного проекта № 14-14-69005 («Проблема литературных связей А.П. Чехова: повесть «Степь» в историко-литературном процессе. Монографическое исследование»).

* E-mail: synikolaeva@rambler.ru

Literaturnye context of the story by A.P. Chekhov "the Steppe"
(ancient sources, N.V. Gogol, V.S. Soloviev)

Svetlana Nikolaeva*

Professor of Tver state University,
Tver, Russia.

(Received: July 2015; Accepted: October 2015)

Abstract

Software novel by A.P. Chekhov "the Steppe" is deeply rooted in Russian literature and philosophy. For an adequate reading of its moral and philosophical sense, it is necessary to identify and comment on the range of sources relied on by A.P. Chekhov, to explore the philosophical context in which formed the idea of the story "Steppe". In particular, the deciphering of the phrase "What is substance? The substance is a thing distinctive without requiring the other to its execution", said by one of the heroes of the story, leads to the conclusion that Chekhov has influenced both ancient sources and works by N.V. Gogol – author of "the Chosen places from correspondence with friends", V.S. Solovyov, philosopher, and poet, the author of works: "Faith, reason, and experience", "Spiritual foundations of life", "Three speeches in memory of Dostoevsky". Philosophical category that operated on N.V. Gogol and V.S. Solovyov, was in tune with the Chekhov's artistic thinking were used by A.P. Chekhov as a means characteristics of his characters. The views of A. P. Chekhov were not limited to positivism, the writer paid tribute to the philosophical idealism that religious philosophy.

Keywords: A.P. Chekhov, N.V. Gogol, V.S. Solovyov, Old Russian Literature, Positivism, Idealism.

* E-mail: synikolaeva@rambler.ru

The study was performed within the framework of the Russian Foundation for Humanities and Government of the Tver region research project No. 14-14-69005 ("the Problem of literary relations by A.P. Chekhov: the story "the Steppe" in the historical-literary process. A monographic study").

Введение

Интерпретация повести А.П. Чехова «Степь» (1888) для литературоведов и критиков всегда была задачей провокационной, неоднозначной. По словам автора, в этом произведении он рассчитывал на искушенного читателя и раскрыл дорогие его сердцу образы и картины, решившись «выступить оригинально» (Чехов 1974. Письма. Т 2. 178).

Велико искушение заявить, что в чеховской повести есть не просто пейзаж, а нечто большее. Тогда что именно? Е.Н. Разумова, например, критикуя самых тонких исследователей «Степи» М. Громова и Р. Джексона за то, что они «сводят содержание повести к национально-исторической проблематике» и тем самым следуют канонам «советского литературоведения», обещает «взглянуть на «Степь» в другом аспекте, связанном с движением философских представлений Чехова и предполагающем более широкий масштаб осмыслений сюжета». Но итоговый вывод исследовательницы звучит далеко не лучшей парафразой изящных суждений вышеупомянутых ученых: «...повесть пронизана духом поиска истины, смысла жизни человека в этом необъятном и непостижимом мире. <...> Очевидно, именно неразрывное соединение универсальных проблем бытия и глубоко личного переживания обуславливает глубоко национальный дух повести, не сводимый ни к особенностям поэтики, ни к социально-исторической проблематике. В «Степи» Чехов впервые достиг ... масштабности содержания и ... гармоничности его воплощения» (Разумова 1998).

Очевидно, что для адекватного прочтения философского смысла повести необходимо, прежде всего, раскрыть и прокомментировать круг источников, на которые опирался А.П. Чехов в процессе своей работы, изучить тот философский контекст, в котором формировался замысел «Степи».

Основная часть

Прежде всего, стоит напомнить, что в чеховской повести имеется одна загадочная фраза подчеркнута философского содержания. В разговоре с

Егорушкой о пользе книжного учения отец Христофор говорит, как бы вспоминая «кое-что из философии и риторики»: «Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполнению» (Чехов 1974. Сочинения. Т.7. 21). Слова о «существе» представляют собой терминологически точное определение субстанции – «общее место» всех трактатов и руководств по логике, философии, риторике и диалектике еще со времен Аристотеля. «Из философии и риторики кое-что еще помню», – замечает отец Христофор (Там же).

Из какого источника взята эта фраза? Восходит ли она вообще к какому-либо конкретному источнику? Томская исследовательница считает это определение «подчеркнуто безличным, лишённым субъективности, «ничьим»», по ее мнению, оно «резко выделяется своей неуклюжей архаичностью и безжизненностью».

На самом деле известно, что отец Христофор, вслед за Чеховым, «знает» это определение по книге Петра Могила «Собрание краткия науки об артикулах веры» (1649) (Могила 1649. 5). А.П. Чехов реалистичен и документален в построении образа: отец Христофор когда-то готовился стать «ученейшим мужем», «светильником церкви», хотел «в Киев ехать, науки продолжать»; ведя беседу о пользе книжного учения, он постоянно ссылается на Нестора-летописца, апостола Павла, на одного из трех первосвятителей – Василия Великого (Кесарийского) и, наконец, на самого Петра Могила – основателя Киевской духовной академии, слушателем которой отец Христофор так и не стал. А.П. Чехов редко делает «глухие» отсылки, он почти всегда дает знак, сигнал, указание на источник. В данном случае таким знаком послужило имя Петра Могила.

Однако А.П. Чехов не просто цитирует, он как бы восстанавливает историко-культурный контекст, в котором «жила» цитата. Дело в том, что фрагмент о «существе», включенный в сочинение киевского митрополита, контрастирует своим философским содержанием с чисто катехизическими

поучениями Петра и тем самым заставляет думать, что у него есть первоисточник, что он тоже с чего-то «списан» или переведен. И действительно, первоисточником цитаты о «существе» является «Изборник Святослава» 1073 г. В состав этого памятника входит трактат Георгия Хировоска «О образех», то есть элементах аристотелевской риторики, а также логико-философский трактат Феодора Раифийского о категориях аристотелевской диалектики. В частности, там имеется определение существенного (сущности), к которому восходит текст Петра Могилы: «Сущее есть вещь особе состоящая, не требуя иного на бытие» (Изборник 1983. 223).

По-видимому, и этот источник был известен А.П. Чехову. В 1880 г., при жизни писателя, он был напечатан фотолитографическим способом в Обществе любителей древней письменности, а в 1882-1884 гг. было начато его издание Обществом истории и древностей российских при Московском университете. Впервые отрывки из философского сочинения Феодора Раифийского по «Изборнику» 1073 г. опубликовал Ф.И. Буслаев в своей знаменитой хрестоматии (Буслаев 1861. 274).

Очевидно, философская традиция, утвержденная на русской почве составителем «Изборника Святослава», была очень мощной, влиятельной. Ее присутствие обнаруживает себя во многих источниках, имеющих отношение к сфере образования, школы, науки. Например, очень близкий к приводившимся выше вариантам цитаты о «существе» текст имеется в одном из «Азбуковников», обнаруженном среди рукописей Соловецкой библиотеки А. Карповым: « – Что есть существо? – Вещь самодеятельна, никогоже иного требуя на свое составление» (Карпов 1877. 188).

Своеобразие источников цитаты о «существе» находится в полном соответствии со спецификой образа о. Христофора в целом. Среди книг, прочитанных А.П. Чеховым в период работы над «Врачебное дело», была «Краткая церковная российская история» митрополита Платона (Николаева

1990. 80), предисловие к которой стало автохарактеристикой церковного иерарха и основой характеристики чеховского персонажа.

Замечательно, что митрополит Платон отстаивал в своем предисловии принцип исторической объективности, предельно понятный и близкий А.П. Чехову, писал о «первом любезном и привлекательном истории свойстве», то есть об «истине и беспристрастии». На этих страницах неожиданно возникал яркий образ русского священника, «от молодых лет» чувствовавшего склонность к чтению исторических книг. И когда мы обращаемся к последним словам Платона: «...объяснив сие, не остается мне более, как желать и молить Бога, чтоб сия издаваемая мною история послужила к пользе и наставлению юношества... дабы они, подражая древним духовным святым мужам, не столь, по Апостолу, в научения странна и различна прилагалися, сколь добродетелью и благодатию утверждали бы сердца свои» (Платон 1805. VIII-X), – то становится очевидным, что некоторые черты митрополита Чехов воскресил в образе добродушного о. Христофора, в таких, например, его речах: «С самого раннего возраста Бог вложил в меня смысл и понятие»; «Ты только учись да благодати набирайся, а уж Бог укажет, кем тебе быть ... Апостол Павел говорит: на учения странна и различна не прилагайтеся ... Надо воспринимать только то, что Бог благословил ... Со святыми соображайся...» (Чехов 1974. Сочинения. Т.7. 20, 98).

Напрашивается вывод о том, что понятие «существо» воспринималось А.П. Чеховым в религиозно-философском ключе. И влияние на него оказали в данном случае такие мыслители, как Н.В. Гоголь – автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» (эту книгу, как и творчество Гоголя в целом, Чехов хорошо знал) и В.С. Соловьев, философ и поэт, во времена чеховской юности печатавший в русской периодике свои стихотворения и первые философские труды: «Вера, разум и опыт» (1877, газ. «Гражданин»); «Духовные основы жизни» (1882-1884); «Три речи в память Достоевского» (1881-1883, газ. «Новое время», журнал «Русь»). Философские категории, которыми

оперировали Н.В. Гоголь и В.С. Соловьев, оказались созвучными чеховскому художественному мышлению, были использованы А.П. Чеховым как средство характеристики его персонажей.

Несомненная связь с традицией Н.В. Гоголя проявилась в характеристике такого персонажа «Степи», как о. Христофор. В переводе с греческого имя это означает «Христоносец». Согласно библейской мифологии, он покровитель путников, моряков, врачебного искусства, но самое интересное для нас – он переносит мальчика, оказавшегося Христом, через реку, помогает ему преодолевать огромные пространства и подстерегающие его опасности. Чеховский Христофор переправляет Егорушку (по поручению его маменьки) через «степь, прости Господи, протяженно-сложенную» в будущую жизнь и вместе с тем указывает ему путь жизни истинной: «Учись и благодати набирайся» (Чехов 1974. Сочинения. Т.7. 94, 98). Науку и веру Христофор ставит рядом, не противопоставляет их друг другу, не исключает что-то одно, а связывает их друг с другом к одно целое, необходимое современному человеку.

Данная концепция находит соответствие в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя, также размышлявшего над проблемой соотношения веры и знания: «Ум не есть высшая в нас способность. <...> Отвлеченными чтеньями, размышленьями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию. <...>. Разум есть несравненно высшая способность, но она приобретается не иначе, как победой над страстями. Его имели в себе только те люди, которые не пренебрегли своим внутренним воспитанием. Но и разум не дает полной возможности человеку стремиться вперед. Есть высшая еще способность; имя ей — мудрость, и ее может дать нам один Христос. Она не наделяется никому из нас при рождении, никому из нас не есть природная, но есть дело высшей благодати небесной» (Гоголь 1967. 254-255).

Поучения о. Христофора, обращенные к Егорушке, созданы по канве рассуждений Н.В. Гоголя и приведены в соответствие с характером старенького благодушного священника. О. Христофор показан с явной симпатией и юмором и явно олицетворяет собой положительный нравственный полюс в повести. Комические элементы в его облике обусловлены авторским пониманием наивности этих поучений: осознавая нравственную правоту и высоту Гоголя, вкладывая множество сочувственных нот в ткань образа о. Христофора, А.П. Чехов прекрасно понимал: самое трудное – воплотить в жизнь те наставления, которые получил Егорушка.

В гоголевской книге «Выбранные места из переписки с друзьями» «существо» как философское понятие появляется в двух контекстах, одинаково актуальных для Чехова в конце 1880-х гг.

Первый контекст – это значение христианства в жизни современного человека, вопросы православного вероучения. По утверждению Н.В. Гоголя, в православной (восточной) церкви есть «простор не только душе и сердцу человека, но и разуму, во всех его верховных силах; в ней дорога и путь, как устремить все в человеке в один согласный гимн верховному существу» (Гоголь 1967. 276). «Верховное существо» – Бог, и именно определение Бога дает в своей речи о. Христофор. Это определение своей стилистикой вполне соответствует позиции А.П. Чехова, считавшего вопросы веры глубоко внутренним, интимным делом каждого человека.

Второй контекст – это вопрос о происхождении и назначении искусства. Идеалом поэта, истинным поэтом в глазах Гоголя был Пушкин, который сумел показать, «что такое в существе своем поэт, это чуткое создание, на все откликающееся в мире и себе одному не имеющее отклика», «показать в себе это независимое существо, это звонкое эхо, откликающееся на всякий отдельный звук, порождаемый в воздухе», «чудный образ, на всё откликающийся и одному себе только не находящий отклика» (Гоголь 1967. 381-382).

Как известно, именно в период работы над повестью «Степь» у А.П. Чехова окончательно сложилось его творческое кредо: объективность и независимость от партий данной минуты и злобы дня. «Самобытное существо» в «Степи» – это и сам автор, творчество которого возникает вовсе не «из ничего», как считали некоторые критики, а из глубин национальной русской самобытности.

Удивительно, что Н.В. Гоголь в своей книге перечислил такие же претензии критиков к А.С. Пушкину, с которыми столкнулся А.П. Чехов после публикации «Степи». Сочинения А.С. Пушкина, по свидетельству Н.В. Гоголя, «в глазах людей весьма умных, но не имеющих поэтического чутья, ... отрывки недосказанные, легкие, мгновенные; в глазах людей, одаренных поэтическим чутьем, они – полные поэмы, обдуманые, оконченные, всё заключающие в себе, что им нужно» (Гоголь 1967. 381). О содержательности пушкинского творчества тоже спорили, как и о «безыдейном» творчестве А.П. Чехова: «Зачем, к чему была его поэзия? Какое новое направление мысленному миру дал Пушкин? Что сказал он своему веку? Подействовал ли на него если не спасительно, то разрушительно? <...> Зачем он дан был миру и что доказал собою? Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше, — что такое поэт, взятый не под влиянием какого-нибудь времени или обстоятельств и не под условием также собственного, личного характера, как человека, но в независимости от всего» (Гоголь 1967. 282). В этих тезисах Н.В. Гоголя А.П. Чехов не мог не найти для себя поддержку, оправдание собственных творческих исканий.

В эпоху А.П. Чехова формулировки, близкие гоголевским, использовал В.С. Соловьев. Проблематика и топика его сочинений перекликается с гоголевской и чеховской. Это обусловлено типологическими пересечениями, общностью принципов романтизма и философского идеализма, а также, возможно, и генетическими связями, сознательным интересом и творческой

ориентацией Чехова на молодого философа – москвича, сына ректора Московского университета, выпускником которым был и Чехов. Чехова – в силу его медицинского образования и естественно-научного мировоззрения – чаще всего признают позитивистом, материалистом, сугубым реалистом. Сам по себе этот тезис дискуссионен, но при этом он не отменяет интереса Чехова к иным взглядам и философским системам, к «пропастям русского искусства и русской жизни», над которыми он, по словам Блока, «бродил немало» (Блок 1962. 117). В 1880-е гг., именовавшиеся годами «безвременья», он не мог пройти мимо такого яркого явления молодой русской мысли, как философия В. Соловьева. О ее значении для русского самосознания эпохи 1880-х гг. позднее писал А. Блок: «Когда раздалась нечеловеческие вопли грубого либерализма и «либеральная жандармерия» <...> стала <...> распинать Истину, Добро и Красоту <...> На великую борьбу вышел гигант – Соловьев... Осыпались пустые цветы позитивизма, и старое древо вечно ропщущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой» (Блок 1963. 23).

В работе «Вера, разум и опыт» (1877) молодой В.С. Соловьев защищал «определенные основания для нормального единства или синтеза веры, разума и опыта, откуда само собою должен следовать синтез религии, философии и положительной науки» (Соловьев 2014) – близкая Чехову мысль. В книге В.С. Соловьева «Духовные основы жизни» (1882-1884) внимание А.П. Чехова не могли не привлечь размышления философа «о природе, о смерти, о грехе, о законе и благодати». Некоторые высказывания Соловьева перекликаются с повествованием в «Степи», с автокомментарием Чехова к своей повести: «Два близкие между собою желания, как два невидимые крыла, поднимают душу человеческую над остальной природой: желание *бессмертия* и желание *правды*, или нравственного совершенства» (Соловьев 2015).

Наиболее значим тот факт, что фраза о «существовании», произнесенная о Христофором, получает в тексте Соловьева блестящий завершающий и

объясняющий комментарий, который Чехов оставил в подтексте: «Это сущее Добро, то есть существо, само по себе обладающее полнотою и источником благодати, есть Бог» (Соловьев 2015). Н.В. Гоголь говорит «Христос», В.С. Соловьев – «Бог», А.П. Чехов же оставляет возможность читателю восполнить недосказанное, помогая читательскому восприятию с помощью художественной ономастики: Христофор – «Христоносец».

В.С. Соловьев затрагивает в своих сочинениях понятие нравственной нормы, столь важное для А.П. Чехова. Анализируя творчество Ф.М. Достоевского, философ разворачивает доказательство необходимости положительной нравственной нормы: «Он слишком хорошо знал все глубины человеческого падения; он знал, что злоба и безумие составляют основу нашей извращенной природы и что если принимать это извращение за норму, то нельзя прийти ни к чему, кроме насилия и хаоса» (Соловьев 1988. 311). Вспомним, что Чехов считал одной из задач художника показывать, насколько современная жизнь отклоняется от нравственной нормы.

В своих письмах-послесловиях к «Степи» А.П. Чехов, как известно, обсуждал с Д.В. Григоровичем сюжет, могущий служить продолжением повествования о Егорушке, – сюжет о русском юноше-самоубийце, поступок которого можно объяснить только в рамках проблемы «человек и природа»: «Самоубийство Вашего русского юноши есть, по моему мнению, явление, Европе не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ рядом с широким полетом мысли; с другой – необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия...» (Чехов 1974. Письма. Т. 2. 198).

Здесь еще одна точка пересечения концепций А.П. Чехова, В.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского. Критикуя «все свободное просвещение Европы», европейских «мистиков», «квизтистов», «пиэтистов», «гуманистов», «натуралистов», «реалистов и материалистов», которые то «отворачивались от материальной природы» и видели «в Боге только зародыш человека, а в природе – только его тень», то, напротив, преклонялись перед «мертвым механизмом природы» (Соловьев 1988. 314), Соловьев ценил Достоевского за то, что «его вера в человека была свободна от всякого одностороннего идеализма или спиритуализма: он брал человека во всей его полноте и действительности», за то, что он показал человека, ищущего веру, переживающего кризис веры: «Сознавая свой недуг, он не верит в исцеление и потому приобретенную тем сознанием силу и свободу может употребить только на самоуничтожение. К самоубийству приходит всякий, кто сознает всечеловеческое зло, но не верит в сверхчеловеческое Добро. Только этой верой человек мысли и совести спасается от самоубийства» (Соловьев 1988. 313). Именно в России поиск веры человеком может завершиться трагедией, гибелью.

Проблему «человек и природа» В.С. Соловьев, как и А.П. Чехов, увязывает с проблемой самоубийства, а решает с религиозно-философской точки зрения: «Верить в царство Божие – значит с верою в Бога соединять веру в человека и веру в природу. Все заблуждения ума, все ложные теории и все практические односторонности и злоупотребления происходили и происходят от разделения этих трех вер. Вся истина и все добро выходят из их внутреннего соединения. С одной стороны, человек и природа имеют смысл только в своей связи с Божеством – ибо человек, предоставленный самому себе и утверждающийся на своей безбожной основе, обличает свою внутреннюю неправду и доходит, как мы знаем, до убийства и самоубийства, а природа, отделенная от Духа Божия, является мертвым и бессмысленным механизмом без причины и цели, – а с другой стороны, и Бог, отделенный от

человека и природы, вне своего положительного откровения является для нас или пустым отвлечением, или всепоглощающим безразличием» (Соловьев 1988. 313).

Добавим, что использованные А.П. Чеховым мифологемы оказались востребованными в полемике русских религиозных философов начала XX в. о путях русской истории. Д.С. Мережковский, хорошо знавший чеховскую «Степь» и бывший одним из ее критиков, иронизируя над «русской идеей» В.С. Соловьева и Вяч. Иванова, саркастически смеясь над тем, что в России якобы решается «вопрос мировых судеб», использовал не только библейские, но и чеховские мотивы и образы и отрицал, что «народ наш — «христоносец» по преимуществу», что он, «подобно св. Христофору, через темный брод истории несет он на плечах своих младенца Христа». Напротив, по мнению Мережковского, «Св. Христофор не узнал Младенца Христа, которого нес на плечах. Не так же ли Россия, слепой великан, не видит, кого несет, — только изнемогает под страшной тяжестью, вот-вот упадет раздавленная? Не видит Россия, кто сидит у нее на плечах, — Младенец Христос или щенок Антихристов» (Мережковский 2009. 8-9, 15). Так расшифровал Мережковский символические подтексты чеховской «Степи».

Заключение

А.П. Чехов выстраивает художественную концепцию своей повести и ее возможного продолжения в явном соотнесении с религиозной философией и Н.В. Гоголя, и В.С. Соловьева и, отчасти, в полемике с ней: свою литературную задачу он видит в постановке вопросов, а не в том, чтобы навязывать читателю тот или иной ответ. Но совершенно очевидно, что вопрос о Боге, о поисках веры современным «русским мальчиком» становится в «Степи» центральным и для автора, и для главного героя, и для читателя. Чехов не замыкается в рамках дарвинизма, позитивизма, материализма, реализма, его мировоззрение гораздо шире. При этом концепты «природа

(степь)», «человек», «существо (Бог)» организуют художественный мир повести.

А.П. Чехов в повести «Степь» изобразил вовсе не множественность, относительность и равноправие разных «правд», а подтвердил абсолютный характер истинно христианской нравственности, «сущего Добра», по В.С. Соловьеву, и продемонстрировал, как трудно современному «русскому мальчику» вопреки всем искушениям и испытаниям остаться верным Христу, не превратившись в «щенка Антихристов».

Литература

- Блок А.А. (1962). *О реалист ах* // Собрание сочинений: в 8 т. ГИХЛ, 1960-1963. Т. 5. М.-Л., Изд-во «Государственное издательство художественной литературы» («ГИХЛ»). 799 с.
- Блок А.А. (1963). *Дневник 1901-1902 г.* // Собрание сочинений: в 8 т. ГИХЛ, 1960-1963. Т. 7. М.-Л., Изд-во «Государственное издательство художественной литературы» («ГИХЛ») 780 с.
- Буслаев Ф.И. (1861). *Ист орическая хрест ома т ия церковно-славянског о и древнерусског о языков*. Москва. «Б.И.». 850 с.
- Гоголь Н.В. (1967). *Собрание сочинений*. В 7 т. Москва. Изд-во «Худож. лит.». Т. 6. 558 с.
- Изборник Великого Князя Свят ослава Ярославича 1073 г.* (1983). Москва. Изд-во «Наука».
- Карпов А. (1877). *Азбуковники, или Алфавит ы иност ранных речей*. Казань. «Б.И.».
- Мережковский Д.С. (2009). *Земля во рт у* // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге: История в материалах и документах. 1907-1917: в 3 т. Т. 2. Москва. Изд-во «Русский путь». С. 8-15.
- Могила Петр (1649). *Собрание крат кия науки об арт икулах веры*. Москва. «Б.И.».
- Николаева С.Ю. (1990). *Чехов и Дост оевский: проблема ист оризма*. Учебное пособие. Тверь. Изд-во «ТвГУ». 85 с.
- Платон (1805). *Крат кая церковная российская ист ория*: В 2 т. Т. 1. С. III-XX. СПб., «Б.И.».
- Разумова Н.Е. (1998). *«Ст епь» Чехова: вариант инт ерпрет ации повест и* // Вестник Томского государственного университета. Т. 266, январь. С. 134-138. Цит. по: [http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/chekhov.html](http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/chekhov.html). Дата обращения 10.09.2014.

- Соловьев В.С. (1988). *Три речи в память Достоевского* // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва. «Мысль». 822 с.
- Соловьев В.С. (2014) *Вера, разум и опыт*. Цит. по: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/1877vera.html Дата обращения 10.09.2014.
- Соловьев В.С. (2015) *Духовные основы жизни*. Цит. по: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/03_299.htm#_Toc121205340 Дата обращения 10.07.2015.
- Чехов А.П. (1974) *Полное собрание сочинений и писем*: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. Москва. «Наука». 1974-1983.

Bibliography

- Blok A.A. (1962). О реалистх // *Sobranie sochinenij: v 8 t. GIHL, 1960-1963. T. 5. M.-L., Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury» («GIHL»)*. 799s.
- Blok A.A. (1963). *Dnevnik 1901-1902 g. // Sobranie sochinenij: v 8 t. GIHL, 1960-1963. T. 7. M.-L., Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury» («GIHL»)* 780 s.
- Buslaev F.I. (1861). *Istoricheskaja hrestomatija cerkovno-slavjanskogo i drevnerusskogo jazykov. Moskva. «B.I.»*. 850 s.
- Gogol' N.V. (1967). *Sobranie sochinenij: V 7 t. Moskva. Izd-vo «Hudozh. lit.»*. Т. 6. 558s.
- Izbornik Velikogo Knjazja Svjatoslava Jaroslavicha 1073 g. (1983). Moskva. Izd-vo «Nauka»*.
- Karpov A. (1877). *Azbukovniki, ili Alfavitny inostrannyh rechej. Kazan'. «B.I.»*.
- Merezhkovskij D.S. (2009). *Zemlja vo rtu // Religiozno-filosofskoe obshhestvo v Sankt-Peterburge: Istorija v materialah i dokumentah. 1907-1917: v 3 t. T. 2. Moskva. Izd-vo «Russkij put'»*. S. 8-15.
- Mogila Petr (1649). *Sobranie kratkija nauki ob artikulah very. Moskva. «B.I.»*.
- Nikolaeva S.Ju. (1990). *Chehov i Dostoevskij: problema istorizma. Uchebnoe posobie. Tver'. Izd-vo «TvGU»*. 85 s.
- Platon (1805). *Kratkaja cerkovnaja rossijskaja istorija: V 2 t. T. 1. S. III-XX. SPb., «B.I.»*.
- Razumova N.E. (1998). «Степь» Чехова: вариант интерпретации повести // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 266, janvar'. S. 134-138. Cit. po: [http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/chekhov.html](http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/chekhov.html). Data obrashhenija 10.09.2014.*
- Solov'ev V.S. (1988). *Tri rechi v pamjat' Dostoevskogo // Solov'ev V.S. Sochinenija: v 2t. T. 2. Moskva. «Mysl'»*. 822 с.

Solov'ev V.S. (2014) Vera, razum i opyt. Cit. po: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/1877vera.html Data obrashhenija 10.09.2014.

Solov'ev V.S. (2015) Duhovnye osnovy zhizni. Cit. po: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/03_299.htm#_Toc121205340 Data obrashhenija 10.07.2015.

Chehov A.P. (1974) Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochinenija: V 18 t. Pis'ma: V 12 t. Moskva. «Nauka». 1974-1983.

ارتباطات ادبی در داستان «استپ» آنتون پاولویچ چخوف (منابع روسی باستان: ن. و. گوگول، و. س. سالایوف)¹

سوتلانا نیکالایوا*

استاد دانشگاه دولتی تور،

تور، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه 2015؛ تاریخ پذیرش: اکتبر 2015)

داستان نظام‌مند «استپ» نوشته چخوف، ریشه‌ای عمیق در ادبیات و فلسفه روسی دارد. برای درک درست معنای اخلاقی و فلسفی این داستان، لازم است منابعی را که چخوف در نوشتن بر آن‌ها تکیه کرده کشف و تجزیه و تحلیل نمود و پس زمینه فلسفی‌ای را که فکر اولیه داستان در آن فضا شکل گرفت، بررسی کرد. از جمله، کشف رمز این عبارت - که از زبان یکی از قهرمانان چخوف بیان می‌شود - «موجود چیست؟ موجود شیئی خودکفاست که برای ارائه خود احتیاج به شیء دیگری ندارد» به ما این امکان را می‌دهد چنین نتیجه‌گیری کنیم که هم منابع روسی باستان، هم آثار ن. و. گوگول، نویسنده «گزیده‌ای از مکاتبات با دوستان»، و هم و. س. سالایوف، فیلسوف، شاعر و نویسنده کتاب‌هایی چون «ایمان، عقل و تجربه»، «اصول معنوی زندگی»، «سه گفتار به یاد داستایوسکی» بر آنتون چخوف تأثیر گذاشتند. معیارهای فلسفی‌ای که ن. و. گوگول و و. س. سالایوف در آثار خویش به کار گرفتند، با تفکر ادبی - هنری چخوف همخوانی دارد و وی از این معیارها برای معرفی شخصیت‌هایش بهره می‌جوید. دیدگاه‌های چخوف به مواضع پوزیتیویستی محدود نمی‌شود و او هم به ایدئالیسم فلسفی و هم به فلسفه دینی توجه نشان می‌دهد.

واژگان کلیدی: آ. پ. چخوف، ن. و. گوگول، و. س. سالایوف، ادبیات روسی باستان،

پوزیتیویسم، ایدئالیسم.

1. تحقیق حاضر با استفاده از گرت اعطایی بنیاد علوم انسانی روسیه و منطقه تور به شماره 14-14-69005 انجام گرفته است.

* E-mail: synikolaeva@rambler.ru